

В.Ю. САЛАМАТОВ

доктор экономических наук, кандидат технических наук,
профессор, директор Института международной торговли и устойчивого
развития МГИМО МИД России, заведующий кафедрой
«Торговое дело и торговое регулирование»

А.В. ТАНГАЕВА

начальник отдела тарифных барьеров и доступа на рынки
Исследовательского центра «Международная торговля и интеграция»

А.А. ЖАРКОВА

специалист исследовательского центра
«Международная торговля и интеграция»

**МЕГАРЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ФРАГМЕНТАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
СТРАТЕГИИ ЕС И КИТАЯ**

В условиях трансформации международной экономической системы, вызванной кризисом глобальных институтов, ростом регионализации и политизацией экономических отношений, мегарегионализм становится важным инструментом международной торговли. Авторы исследуют проблему применения ЕС и Китаем мегарегиональных подходов во внешнеэкономической политике в целях укрепления позиций своих стран в глобальной экономике, используя различные модели интеграции. В статье рассматривается, как различия в стратегиях ЕС и Китая отражают их геоэкономические приоритеты, особенности и реакцию на вызовы фрагментации мировой экономики.

Ключевые слова: мегарегионализм, фрагментация мировой экономики, Европейский Союз, Китай, Один пояс — один путь (ОПОП), торговая политика.

УДК: 339.54

EDN: THPCWN

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_167_184

Введение

На процессы в мировой экономике все более существенное влияние оказывают новые факторы: усиление роли региональных центров, возрастание значимости Глобального Юга, растущая роль научно-технических инноваций, кризис международных институтов и углубляющаяся политизация экономических отношений.

Одной из центральных тенденций международной торговой системы становится мегарегионализм, который за последние годы зарекомендовал себя как важный инструмент содействия и поддержания интеграции мировой торговли. Настоящая статья ставит своей целью анализ подходов двух ведущих игроков – Европейского Союза и Китая – к использованию инструментов мегарегионального сотрудничества в их экономической политике. В рамках работы предполагается выявить основные направления и ключевые различия в применяемых ими подходах.

Предпосылки и направления трансформационных процессов в международной экономической системе

Международная экономическая система, которая с середины XX в. развивалась в условиях растущего влияния процесса глобализации, столкнулась с новым серьезным вызовом – геоэкономической фрагментацией. Это явление было вызвано политикой протекционизма, торговыми войнами, усилением технологической конкуренции. Пандемия COVID-19 еще более укрепила тенденцию к фрагментации мировой экономики, вынудив страны сосредоточиться на защите национальных интересов, увеличении объемов внутреннего производства и снижении зависимости от импорта.

Произошедшая в начале 2020-х годов эскалация санкционных практик в качестве инструмента сдерживания конкурентов и борьбы за глобальное лидерство придала процессу фрагментации масштабное геополитическое измерение.

В рассматриваемом контексте заслуживает внимания вопрос соотношения процессов регионализации, когда усиливается интеграция экономик в рамках отдельных регионов, и фрагментации мировой экономики. Некоторые эксперты рассматривают фрагментацию как часть процесса регионализации [1, с. 129]. По нашему мнению, это некорректный подход, особенно на фоне происходящей в настоящее время геоэкономической фрагментации. Регионализация не является противоположностью глобализации, а лишь обеспечивает возможность получения дополнительных выгод и положительных экономических результатов, которые могут быть получены странами-участницами за счет развития региональной экономической интеграции. Сами же правила регионализации встроены в многостороннюю правовую систему ВТО. В свою очередь, геоэкономическая фрагментация содержит серьезные элементы деглобализации, поскольку сопровождается устойчивым, политически мотивированным изменением конфигурации международных торговых и инвестиционных потоков, что в целом негативно сказывается на развитии международной кооперации.

Одновременно растет политизация мировой торговли, что проявляется в развитии «френдшоринга» – стратегии, заключающейся в создании цепочек поставок только из дружественных стран. Одним из примеров применения этой практики является решение компаний из США и Европейского Союза перенести производство полупроводников и микроэлектроники из Китая в страны Восточной Европы и Мексику.

Современная геоэкономическая фрагментация является результатом кризиса глобального управления, когда торговые барьеры и стагнация международной торговли стали следствием мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., что особенно затруднило интеграцию для развивающихся стран.

А.Н. Спартак отмечает, что всплеск регионализации в 2000-х годах во многом стал реакцией на слабость и низкую эффективность ВТО как механизма, способного создавать благоприятные условия для интернационализации и транснационализации национальных экономик [2, с. 17]. А.П. Портанский также выделяет среди основных аспектов фрагментации экономики на современном этапе ослабление институциональной системы мировой торговли, т. е. ВТО [3].

Правовой механизм ВТО основан на принципе принятия решений посредством консенсуса. Этот механизм, с одной стороны, стал основанием для успеха организации в период активно развивающейся глобализации, а с другой – наиболее чувствительной проблемой в контексте роста числа участников организации и растущих тенденций фрагментации мировой экономики (см. подробнее: [3; 4]).

Кризис апелляционного органа ВТО является ярким примером кризиса функционирования организации. Апелляционный орган (Appellate Body), созданный в 1995 г. для обеспечения справедливого разрешения международных торговых споров, с 2019 г. фактически парализован из-за блокировки назначения арбитров Апелляционного органа ВТО представителями США. Это привело к тому, что в декабре 2019 г. Апелляционный орган (АО ВТО) остался без кворума, необходимого для рассмотрения апелляций, и с тех пор он не функционирует.

Подобная ситуация создает значительные риски, особенно для развивающихся и наименее развитых стран: баланс сил смещается в пользу более экономически развитых стран, которые могут решить игнорировать или «обжаловать в пустоту» решения, с которыми они не согласны.

В ответ на «паралич» АО ВТО, который оставил мировую торговую систему без ключевого механизма для разрешения споров на уровне апелляций, группа из 16 членов ВТО в марте 2020 г. создала Многостороннее временное апелляционное арбитражное соглашение (The WTO's Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement, MPIA)

в качестве альтернативного механизма разрешения спора. В настоящее время к Соглашению присоединились 54 страны – участницы ВТО¹.

Прекращение деятельности АО ВТО символизирует не только институциональный кризис экономической системы, но и глубокие изменения в мировом экономическом ландшафте, где торговля все больше определяется динамикой взаимоотношений между торговыми и политическими блоками, а не правилами свободного рынка.

Повышение роли инновационных технологических факторов

Одной из ключевых причин усиления интереса к технологическому развитию является процесс глобализации, который привел к неравномерному развитию мировых технологических рынков и к возникновению рисков, связанных с ненадежностью глобальных цепочек стоимости (ГЦС).

Финансовый кризис 2008-2009 гг. наглядно продемонстрировал уязвимость ГЦС, особенно для стран, которые не располагают необходимой цифровой инфраструктурой и опытом для полного использования технологических достижений. В результате полноценное участие развивающихся стран в цепочках добавленной стоимости может быть затруднено из-за существующих инфраструктурных барьеров.

Одним из наиболее заметных проявлений обострения глобальной инновационной конкуренции стал стремительный рост технологических возможностей Китая и других крупных развивающихся стран: рост Китая как технологического центра становился все более очевидным по мере развития инициативы «Цифровой Шелковый путь» (Digital Silk Road, DSR), части проекта «Один пояс – один путь» (Belt and Road Initiative, BRI).

«Цифровой Шелковый путь» включает в себя широкий спектр инициатив, в том числе развертывание сотовых сетей 5-го поколения (5G), оптоволоконных кабелей и строительство центров обработки данных. Эти инвестиции имеют решающее значение для формирования технологического ландшафта в регионах Тихоокеанской Азии, Африки и Ближнего Востока. На настоящий момент Китай значительно расширил присутствие своей цифровой инфраструктуры в этих регионах.

¹ Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA). URL: https://wtoplurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (дата обращения: 01.08.2024). 2. End of Year Edition – Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023 // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition> (дата обращения: 11.02.2025).

Кроме того, среди развитых стран происходит активная борьба за право регулировать технологические сферы и устанавливать нормы применения достижений научно-технического прогресса. Развитыми странами ведется борьба за регулирование технологических сфер. ЕС разрабатывает строгие нормы для ИИ, ограничивая использование высокорисковых технологий. Китай сочетает строгие меры регулирования с гибкими механизмами, развивая собственные технологические стандарты, а Сингапур ориентирован на стимулирование инноваций и саморегулирование в области ИИ.

Также ключевой ареной соперничества стала полупроводниковая отрасль: Китай стремится снизить свою зависимость от импорта микрочипов и активно инвестирует в развитие отечественного производства. В ответ США принимают меры для ограничения доступа Китая к передовым технологиям, включая санкции против китайских технологических компаний.

В этой связи еще одной из важных тенденций стала поддержка локализации критически значимых технологий и производств через респоринг и привлечение иностранных и отечественных инвестиций в новые производственные объекты.

Основной особенностью текущей ситуации является то, что передовые страны сохраняют преимущество в масштабах и структуре научных исследований, а также в объемах наукоемкого бизнеса, который активно ведет собственные разработки. В 2022 г. мировые расходы на НИОКР приблизились к рекордному уровню в \$3 трлн.

Соединенные Штаты Америки, по статистике за 2022 г., лидируют с общими инвестициями \$886,5 млрд. Важным обстоятельством здесь является то, что в США основную часть инвестиций предоставляют частные компании, при этом государственные инвестиции составляют \$204,9 млрд. Китай занимает второе место – расходы Китая на НИОКР по итогам 2023 г. составили более 3,3 трлн юаней (около \$458,5 млрд), Китай продемонстрировал рост инвестиций в НИОКР на 8,1% по сравнению с предыдущим годом [5].

Среди пятерки лидеров по расходам на НИОКР, по итогам 2023 г., в процентах от годового ВВП: Израиль (6,02%), Южная Корея (5,21%), США (3,59%), Бельгия (3,43%) и Швеция (3,41%). В России валовые расходы на НИОКР составили 0,94% от ВВП страны².

Таким образом, технологическое развитие становится новым «ресурсом» влияния в мировой политике и экономике. При этом страны, которые делают ставку на научные инновации, получают стра-

² End of Year Edition – Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023 // WIPO. <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition> (дата обращения: 11.02.2025).

тегическое преимущество, тогда как зависимые от природных ресурсов государства оказываются в уязвимом положении, что изменяет баланс сил в международной торговле.

Влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и пандемии COVID-19 на расстановку сил в глобальной экономике

Финансовый кризис 2008–2009 гг. обнажил взаимосвязь мировых финансовых систем и показал, как экономические потрясения в каком-либо одном регионе могут отразиться на ситуации во всем мире. Развитые экономики, особенно страны Европейского союза, оказались среди наиболее пострадавших. Несмотря на свои относительно сильные экономические связи, эти страны столкнулись с более серьезной рецессией, чем Соединенные Штаты Америки, даже на фоне устойчивого экономического роста ВВП (так, например, рост ВВП в странах ЕС составлял 3,4% в 2006 г. и 3,2% в 2007 г. – самые высокие показатели с 2000 г.). В результате кризиса ВВП в регионе сократился на 4,6%³, уровень безработицы в еврозоне резко вырос, дефицит бюджета превысил порог в 3% ВВП, а государственный долг превысил 60% ВВП.

Резкое сокращение мирового производства продукции, а также торговли и инвестиций в 2009 г., последовавшие за устойчивым экономическим ростом за предыдущие два года до этого, показали хрупкость развитых экономик мира.

Еще одним из важных результатов кризиса стало смещение импульса экономического развития от западных держав – традиционных лидеров к развивающимся экономикам. Хотя эти регионы не были застрахованы от кризиса и также испытали резкое падение экономического роста и существенное замедление торговли, инвестиций и денежных переводов, их относительная устойчивость и более быстрое восстановление резко контрастировали с длительной стагнацией в развитых экономиках.

По данным Всемирного банка, мировой ВВП сократился на 1,4% в 2009 г.⁴, что стало самым значительным падением с периода Второй мировой войны. В то время как развитые экономики (страны G7) понесли наибольшие потери (их ВВП сократился на 3,7%), развивающиеся страны показали более устойчивую динамику. Например, ВВП

³ GDP per capita growth (annual %) – European Union. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG?locations=EU> (дата обращения: 01.08.2024).

⁴ GDP growth (annual %). <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения: 01.08.2024).

Китай продолжил свой рост и составил 9,4% в 2009 г., несмотря на глобальные экономические потрясения, а Индия продемонстрировала рост на уровне 7,9%⁵.

Таким образом, финансовый кризис 2008–2009 гг. не только трансформировал мировую финансовую систему, но и стал катализатором изменения мирового экономического баланса. Относительный спад развитых экономик и подъем развивающихся рынков переопределили глобальную экономическую динамику, заложив основу для усиления тенденции к многополярности мира.

Коронакризис, в отличие от предыдущих кризисов, вызвал оперативную реакцию правительств по всему миру, принявших экономические меры для смягчения серьезных последствий и уменьшения человеческих потерь. Однако такие меры привели и к возникновению новых вызовов.

В 2020–2021 гг. пандемия COVID-19 существенно повлияла на мировую торговлю. В частности, пострадали услуги, предоставляемые по 2-му и 4-му способам ГАТС (General Agreement on Trade in Services), где предполагается физическое присутствие исполнителя или потребителя.

Пандемия вызвала дисбаланс на рынке контейнерных перевозок, что привело к резкому росту фрахтовых ставок. Этот кризис в транспортной логистике только усугубил ранее существующую тенденцию к фрагментации мировой экономики. Многие страны ввели дополнительные меры по защите своих национальных рынков, что усилило торговый протекционизм. В результате произошло не только экономическое, но и физическое разделение мира, выразившееся в формировании новых, более локализованных и компактных цепочек поставок, которые приблизились к конечным потребителям [6].

Сильнее всего от COVID-19 пострадали экономики с высокой долей экспортной продукции и сферы туризма. В 2020 г. мировой ВВП сократился на 2,7%. Страны с большой долей туристского сектора в экономике, такие как Испания и Италия, понесли наибольшие убытки. ВВП Испании и Италии снизились на 11,2% и 9% соответственно. Туристский сектор, который составлял значительную часть экономик этих стран, оказался практически парализован из-за закрытия границ и ограничений на передвижение.

Страны, зависящие от экспорта нефти, такие как Россия и Саудовская Аравия, пострадали от резкого падения цен на нефть на фоне снижения глобального спроса. Так, например, в апреле 2020 г. цена на

⁵ Real GDP growth. https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/MAE (дата обращения: 01.08.2024).

нефть сорта Brent снизилась на 13,55% – до \$16,71 за баррель⁶. Ситуацию усугубили безуспешные переговоры между Россией и ОПЕК по вопросу сокращения добычи нефти⁷ в марте 2020 г.

Пандемия COVID-19 оказала неоднородное влияние на мировую экономику: развивающиеся страны демонстрировали большую устойчивость по сравнению с развитыми экономиками [6]. Также меньше всего пострадали страны с высокоразвитым цифровым сегментом экономики и сильным внутренним рынком. ВВП Китая в 2020 г. вырос на 2,2%, несмотря на значительный ущерб в первые месяцы пандемии, и Китай стал одной из немногих крупных экономик, показавших положительный рост. Быстрому восстановлению экономики Китая способствовали предпринятые его правительством срочные неординарные меры, в том числе по оперативному контролированию распространения вируса, активным инвестициям в цифровые технологии, а также по стимулированию спроса в рамках внутреннего рынка. Китай значительно увеличил свою долю в мировом экспорте, что позволило ему укрепить позиции в глобальной торговле. Экспорт Китая также вырос в 2020 г. на 4%, несмотря на глобальный спад⁸.

Условия, движущие силы и особенности формирования мегарегиональных торговых соглашений с участием ведущих мировых экономик

Мегарегиональные торговые соглашения (МРТС) стали ключевым элементом международной торговой системы в XXI в., отражая как глобальные изменения в экономической архитектуре, так и реакцию ведущих мировых экономик на новые вызовы. В докладе Всемирного экономического форума 2014 г., посвященном МРТС, они определяются как «глубокие интеграционные партнерства между странами или регионами, обладающие большим весом в международной торговле и прямых иностранных инвестициях, в которых два или более участников находятся в преимущественной лидерской позиции (paramount driver position) или выступают в качестве хабов в глобальных цепочках

⁶ Цена на нефть марки Brent упала ниже \$17 за баррель // Ведомости. 2020. 20 апреля. <https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/04/22/828651-brent> (дата обращения: 01.08.2024).

⁷ Нефтяная сделка России и ОПЕК развалилась. Почему Москва отказалась от нового сокращения добычи // РБК. 2020. 6 марта. <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2020/5e621c139a7947397c940a99> (дата обращения: 01.08.2024).

⁸ Внешняя торговля Китая в 2020 году показала блестящие результаты // Eurasian Rail Alliance Index. 2021. 15 марта. <https://index1520.com/news/vneshnyaya-torgovlya-kitaya-v-2020-godu-pokazala-blestyashchie-rezultaty/> (дата обращения: 01.08.2024).

стоимости»⁹. Помимо доступа на рынки, акцент в такой интеграции сделан на достижении регуляторной совместимости и своде правил, нацеленных на сглаживание различий в инвестиционном и предпринимательском климате.

Политический фактор и френдшоринг сегодня играют определяющую роль в формировании МРТС. Дружественность стран и схожесть политических режимов становятся залогом успешной интеграции, особенно в условиях нарастающей геополитической напряженности. Политическая совместимость облегчает процесс согласования регуляторных норм и стандартов, что является одним из ключевых аспектов глубоких торговых соглашений.

Вместе с тем выгоды международной специализации и разделения труда остаются основным драйвером торговой интеграции. Глобальные цепочки создания стоимости, которые стали основой современной мировой экономики, требуют дальнейшей минимизации барьеров. Мегарегиональные соглашения создают благоприятные условия для такого рода специализации, упрощая доступ к рынкам и снижая транзакционные издержки.

Кроме того, угроза барьеров преференций, обусловленных наличием более мелких региональных соглашений, стимулирует страны к интеграции на опережение. Для ведущих экономик критически важно не остаться за пределами новых экономических блоков и избежать негативного воздействия от эксклюзивных торговых режимов. В этом контексте формирование МРТС рассматривается как стратегический шаг по упреждению создания таких барьеров и сохранению доступа к ключевым мировым рынкам.

Среди особенностей формирования МРТС следует выделить конкуренцию мегарегиональных блоков за потенциальных участников. Так, при принятии каждого соглашения его инициаторы стараются привлечь как можно больше стран для увеличения своего экономического веса и усиления влияния в международной торговле.

Другой важной особенностью является объединение рынков и экономик, значительно различающихся по масштабу и уровню развития. МРТС включают как развитые, так и развивающиеся страны, что требует особого подхода к разработке условий соглашений. В таких ситуациях неизбежно возникает необходимость в инклюзивном подходе, который позволяет сглаживать неравенство через специальные изъятия и переходные периоды для менее развитых экономик. Эта мера

⁹ Mega-regional Trade Agreements Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? // World Economic Forum. – P. 6. https://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_TradeFDI_MegaRegionalTradeAgreements_Report_2014.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

направлена на минимизацию потенциальных негативных последствий для стран с низким уровнем развития, обеспечивая более справедливое распределение выгод от интеграции.

Активизация мегарегиональных подходов в торговой политике ЕС

Европейский Союз является абсолютным лидером по количеству заключенных интеграционных соглашений в мире: в настоящее время в ЕС действуют 46 преференциальных торговых соглашений с 74 партнерами¹⁰. Соглашения о ЗСТ с такими крупными экономиками, как Япония, Канада и Корея, технически, с точки зрения ЕС, считаются двусторонними соглашениями, но де-факто являются мегарегиональными, так как образуют паритет между несколькими экономическими полюсами.

ЕС, будучи сторонником многосторонней системы в рамках ВТО, сталкивается с дилеммой: как совмещать свои мегарегиональные амбиции с необходимостью поддержки многостороннего торгового порядка. Двусторонние и региональные соглашения ЕС, хотя и способствуют либерализации торговли, могут создавать сложности для стран, не участвующих в таких соглашениях, и ослаблять стимулы для многосторонних переговоров.

Переговоры между Европейским Союзом и МЕРКОСУР, объединяющим Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай, Боливию и Венесуэлу, начались более двадцати лет назад и на протяжении этого периода сопровождались сложным экономическим и политическим контекстом. К 2019 г. стороны вышли на итоговый текст Соглашения о ЗСТ, предусматривающий отмену тарифов на более чем 90% товаров. ЗСТ с МЕРКОСУР подразумевало значительные выгоды для европейских производителей, особенно в автомобильной, химической и фармацевтической отраслях. В свою очередь, МЕРКОСУР получил бы доступ к европейскому рынку для своих сельскохозяйственных продуктов, что особенно важно для таких стран, как Бразилия и Аргентина, чьи экономики в значительной степени зависят от аграрного экспорта. Однако процесс ратификации затянулся на фоне многочисленных противоречий, главным образом связанных с экологическими и социальными стандартами, что делает соглашение одним из самых обсуждаемых и спорных в современной торговой политике ЕС.

Участие ЕС в Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), одной из самых амбициозных инициатив в мировой

¹⁰ WTO Regional Trade Agreements Database. <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTA-Home.aspx> (дата обращения: 26.03.2016).

торговле, направленной на создание зоны свободной торговли между двумя крупнейшими экономическими полюсами – ЕС и США, предполагало снятие тарифных барьеров и глубокую гармонизацию стандартов и регуляторных норм. Страны ЕС столкнулись с серьезными опасениями по поводу снижения стандартов защиты потребителей, а также значительным сопротивлением со стороны гражданского общества.

ЕС и США объявили о начале возобновленного Трансатлантического партнерства на своем двустороннем саммите 15 июня 2021 г. Укрепление торговли, инвестиций и технологического сотрудничества является ключевым приоритетом обеих сторон в многостороннем и двустороннем контексте. Дав старт этой позитивной повестке дня, ЕС и США договорились создать Совет по торговле и технологиям ЕС–США в качестве платформы для сотрудничества. Целью Совета является расширение торговли и инвестиций, укрепление технологического и промышленного лидерства и стимулирование инноваций путем продвижения новых технологий и инфраструктуры, а также поощрения совместимых стандартов и правил, основанных на общих демократических ценностях¹¹.

Стороны согласились с необходимостью продвижения перехода к экономике с низкими выбросами углерода на взаимовыгодной основе и начали реализацию Трансатлантической инициативы по устойчивой торговле. ЕС и США решили продолжить работу по содействию трансатлантической торговле, дав толчок расширению существующих соглашений о взаимном признании для морского оборудования и фармацевтического сектора, изучить отраслевую оценку соответствия, например, в области машиностроения, или содействовать использованию цифровых инструментов для содействия двусторонней торговле и инвестициям¹². В области технологий Совет представил совместную дорожную карту по разработке общих инструментов и стандартов для надежного ИИ, начал сотрудничество в области квантовых технологий для общественного блага, согласовал механизм раннего предупреждения и повышенные обязательства по прозрачности для государственной поддержки в секторе полупроводников.

Еще одной из важнейших инициатив в этом контексте является запуск переговоров о Глобальном соглашении по устойчивому производству стали и алюминия. Идея соглашения появилась в результате торгового конфликта времен первого срока администрации

¹¹ U.S.-E.U. Trade and Technology Council (TTC). <https://ustr.gov/useuttc> (дата обращения: 01.08.2024).

¹² Trade Policy Review: European Union. WTO. 2024. 5 июня. – 198 с. https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s442_e.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

Д. Трамп. В 2018 г. США ввели 25-процентную пошлину на импорт стали и 10-процентную пошлину на импорт алюминия со ссылкой на Раздел 232 Закона о расширении торговли 1962 г.¹³ с целью поддержки американских производителей.

США и ЕС решили начать переговоры о новом торговом соглашении, чтобы избежать полномасштабного торгового конфликта.

Запуск переговоров о Глобальном соглашении по устойчивому производству стали и алюминия произошел в 2021 г. Соглашение ставит своей целью решение общих проблем в мировом секторе стали и алюминия, вытекающих из глобального нерыночного избыточного потенциала и углеродоемкости отраслей.

Однако к установленному сроку, 31 октября 2023 г., стороны не смогли достичь окончательного соглашения. Основными препятствиями стали разногласия по вопросам углеродных тарифов и механизмов контроля за избыточными мощностями. В результате переговоры были продлены до конца 2023 г., но и к этому времени консенсус не был достигнут.

Возвращение Трампа в Белый дом в 2025 г. означает, что переговоры могут окончательно зайти в тупик. Администрация Дж. Байдена активно поддерживала инициативы по зеленой экономике, но Трамп, напротив, известен своим скептицизмом в отношении экологической повестки: в частности, после инаугурации в январе 2025 г. Д. Трамп объявил о выходе США из Парижского соглашения по климату¹⁴.

Уже в феврале 2025 г. США вновь ужесточили торговую политику, введя 25%-ные пошлины на импорт всей стали и алюминия.

Трамп заявил, что не будет делать исключений для каких-либо стран, включая Европейский Союз. Он подчеркнул, что его администрация «упрощает» правила торговли, устраняя любые лазейки для импортеров [7].

Эти меры вступят в силу 12 марта 2025 г., что даст торговым партнерам США минимальное время для адаптации. Европейский Союз оперативно отреагировал на решение Трампа, назвав новые тарифы «незаконными» и «контрпродуктивными с экономической точки зрения» [8].

Политическая нестабильность и возможное возвращение к более протекционистским позициям со стороны США может замедлить

¹³ Раздел 232 Закона о расширении торговли 1962 г. уполномочивает президента Соединенных Штатов корректировать импорт товаров или материалов из других стран, если количество или обстоятельства, сопутствующие этому импорту, считаются угрожающими национальной безопасности.

¹⁴ США выйдут из Парижского соглашения по климату. Текст: электронный // РБК : [сайт]. <https://www.rbc.ru/politics/20/01/2025/678e8bf09a79475efc26e49a> (дата обращения: 11.02.2025).

развитие сотрудничества в долгосрочной перспективе. Активизация торговой политики в сфере мегарегионализма сегодня в большей степени касается значительного, но пока не реализованного торгового и инвестиционного потенциала между ЕС и Индией.

Создание в апреле 2022 г. Совета по торговле и технологиям между ЕС и Индией открыло новое измерение взаимодействия в области торговли, технологий и безопасности. ТТС обеспечит политическое управление и необходимую структуру для координации подходов и продвижения технической работы в таких критических областях, как связь, зеленые технологии и устойчивые цепочки поставок.

В июне 2022 г. ЕС возобновил переговоры с Индией по Соглашению о свободной торговле и начал отдельные переговоры по Соглашению о защите инвестиций и Соглашению о географических указаниях.

В условиях роста протекционизма и усиливающейся экономической конкуренции со стороны Китая и США, ЕС стремится позиционировать себя как глобального защитника открытых рынков и справедливой торговли. Одним из приоритетов является заключение соглашений с экономиками, разделяющими ценности устойчивого развития и многостороннего подхода. В этом контексте особое значение приобретает инициатива «Зеленого соглашения», предусматривающая интеграцию климатических и экологических стандартов в торговые соглашения ЕС, развитие которого, однако, встречает трудности на фоне политических изменений в США.

Мегарегиональные соглашения ЕС направлены на достижение нескольких ключевых целей: углубление экономической интеграции с партнерами, продвижение высоких стандартов в области экологии и труда, а также укрепление правил и норм многосторонней торговой системы.

Таким образом, мегарегионализм – стратегический сдвиг в сторону более широких, комплексных соглашений, которые затрагивают многочисленные экономические аспекты, включая торговлю, инвестиции, экологические стандарты и цифровую экономику, и охватывают большие географические регионы и объединяют интересы разных экономических полюсов.

На фоне углубляющегося глобального экономического и политического раскола мегарегиональные соглашения ЕС сталкиваются с рядом вызовов. Прежде всего, внутренняя координация и согласование интересов всех государств – членов ЕС являются сложной задачей, учитывая различия в экономических и политических приоритетах. Процесс ратификации Соглашения с МЕРКОСУР, затянувшийся из-за экологических и социальных вопросов, является ярким примером таких трудностей. Кроме того, внешнеэкономическая политика ЕС сталкивается с новыми вызовами в связи с усиливающейся конкурен-

цией со стороны Китая и США, а также с непредсказуемостью геополитической ситуации. В этом контексте ЕС необходимо выстраивать гибкие стратегии, учитывающие возможность эскалации торговых споров и необходимость адаптации к новым экономическим реалиям, включая переход к более экологически устойчивым моделям развития.

Инициатива «Один пояс – один путь» как элемент мегарегиональной политики Китая

Проект «Один пояс – один путь», инициированный Китаем в 2013 г., предполагает объединение сухопутного и морского торговых путей для более эффективной доставки товаров в страны Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока и Европы. Для этого предлагается соединить два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути», трансконтинентальный коридор, и «Морской Шелковый путь XXI века».

Для КНР, торгующей почти со всеми странами мира, транспортная связанность – ключевой фактор дальнейшего развития торговли и укрепления лидерских позиций в мировой экономике. Восемь стратегических целей Инициативы Пекина, принятые Председателем Си Цзиньпином на форуме «Один пояс – один путь» в октябре 2023 г., служат достижению «качественного» роста в ближайшие годы.

Цель номер один – эффективное функционирование коридора через Европу и Азию, что подразумевает преодоление всех «узких мест», возникающих на маршрутах нового Пути, а также достижение единого видения всех ключевых участников, включая Россию. На европейской стороне Пути возможные форматы сотрудничества включают сопряжение части программы ЕС «Глобальные ворота» с маршрутами «Один пояс – один путь».

Для ускорения решения вопросов транзита, а также для повышения эффективности таможенных процедур на всех маршрутах необходима успешная цифровизация торговли пространства Шелкового Пути. Данная цель должна найти свое отражение во всех двусторонних соглашениях о свободной торговле, в соглашениях об избежании двойного налогообложения и в инвестиционных договорах.

Реализация большинства проектов Инициативы финансируется за счет кредитов китайских банков, включая Китайский экспортно-импортный банк и Китайский банк развития. За последнее десятилетие Китай уже выделил на эти цели более 1,1 трлн долл. США, в ближайшее время ожидаются дополнительные финансовые вложения в размере 47,8 млрд долл. США.

Задача новых инвестиций – дать импульсы устойчивому развитию на пространстве Шелкового Пути. Китай объявил о намерении про-

двигать зеленое развитие. Кроме того, Китай намерен продолжить продвижение научных и технологических инноваций, в частности в энергетическом секторе, а также предложить странам Глобальную инициативу по управлению ИИ – в целях его безопасного развития [9].

Другой актуальной задачей для КНР является создание институтов «Один пояс – один путь», включая Секретариат, платформы для сотрудничества в области энергетики, налогообложения, финансов, зеленого развития, сокращения масштабов стихийных бедствий, борьбы с коррупцией, а также предпосылок для сотрудничества аналитических центров, СМИ, обмена в сфере культуры и в других областях.

Выводы

Несмотря на схожие цели, различия в мегарегиональных подходах ЕС и Китая обусловлены ориентацией на разные механизмы сотрудничества.

Подход ЕС ориентирован на многосторонние механизмы: мегарегиональные соглашения, охватывающие не только торговлю, но и стандарты в области экологии, труда и цифровых технологий. В то же время в стратегии Китая, помимо торговых соглашений, большую роль играют инвестиционные проекты – строительство транспортных коридоров и других инфраструктурных объектов. Такой подход позволяет Китаю стимулировать экономический рост и укреплять свое влияние в развивающихся странах.

Что касается внутренних вызовов, то здесь Китай сталкивается с проблемами, связанными с территориальными спорами и возможной политической и экономической зависимостью стран от китайских кредитов. Это может ослабить эффективность реализации проекта «Один пояс – один путь» в долгосрочной перспективе, особенно в случае возрастания политических рисков в странах, вовлеченных в проекты. ЕС, в свою очередь, сталкивается с трудностями внутренней координации между государствами-членами, что затрудняет процесс ратификации соглашений, как это видно на примере соглашения с МЕРКОСУР. Большим вызовом для Трансатлантического партнерства являются разногласия с США по вопросам торговой и климатической политики на фоне внутривнутриполитических изменений. ЕС вынужден преодолевать протекционистские тенденции и адаптироваться к новым реалиям на фоне конкуренции между США и Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор круглого стола «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации» // Современная мировая экономика. 2024. № 2 (1). С. 128–133. <https://cwejournal.hse.ru/article/view/21965> (дата обращения: 01.08.2024).
2. *Спартак А.Н.* Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37.
3. *Портанский А.П.* ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13 // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2. № 1 (5). С. 70–82. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-70-82.
4. *Кулагин В., Мишутин Г.* Китай в 2023 году потратил на НИОКР более \$458 млрд // Ведомости. 2024. 6 марта. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/06/1023890-kitai-potratil-na-niokr-bolee-458-mlrd> (дата обращения: 01.08.2024).
5. *Саламатов В.Ю.* Мегарегиональные торговые соглашения // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 9. С. 17–27. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-17-27.
6. *Спартак А.Н.* Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29. DOI: 10.24412.2072-8042-2022-7-7-29.
7. *Natalie Sherman.* Trump says no exemptions with metal tariffs to start in March // BBC. <https://www.bbc.com/news/articles/c360dz384n5o> (дата обращения: 11.02.2025).
8. *Jon Henley.* What are the tariffs on steel and aluminum Trump announced? // The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2025/feb/10/eu-says-it-will-retaliate-immediately-if-trump-imposes-new-tariffs> (дата обращения: 11.02.2025).
9. Инициатива глобального управления искусственным интеллектом // Министерство иностранных дел КНР. 2023. 20 октября. https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (дата обращения: 01.08.2024).

REFERENCES

1. Review of the Round Table “Prospects for the Development of the World Economy in the Context of Global Economic Fragmentation” // Modern World Economy. 2024. No. 2 (1). Pp. 128–133. Available at: <https://cwejournal.hse.ru/article/view/21965> (accessed: 01.08.2024). (In Russ.).
2. *Spartak A.N.* Metamorphosis of the Regionalization Process: From Regional Trade Agreements to Megaregional Projects // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37. (In Russ.).
3. *Portansky A.P.* WTO: Accumulated Problems and Prospects after MC-13 // Modern World Economy. 2024. Vol. 2. No. 1 (5). Pp. 70–82. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-70-82. (In Russ.).
4. *Kulagin V., Mishutin G.* China Spent Over \$458 Billion on R&D in 2023 // Vedomosti. 2024. March 6. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/06/1023890-kitai-potratil-na-niokr-bolee-458-mlrd> (accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

5. *Salamatov V. Yu.* Mega-Regional Trade Agreements // World Economy and International Relations. 2016. Vol. 60. No. 9. Pp. 17–27. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-17-27. (In Russ.).
6. *Spartak A.N.* The transition to a new world economic order: stages, key features, challenges, and solutions for Russia // Russian Foreign Economic Journal. 2022. №7. Pp. 7–29. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29 (In Russ.).
7. Trump Says No Exemptions with Metal Tariffs to Start in March // BBC. Available at: <https://www.bbc.com/news/articles/c360dz384n5o> (accessed: 11.02.2025).
8. What Are the Tariffs on Steel and Aluminum Trump Announced? // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2025/feb/10/eu-says-it-will-retaliate-immediately-if-trump-imposes-new-tariffs> (accessed: 11.02.2025).
9. Initiative on Global Governance of Artificial Intelligence // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2023. October 20. Available at: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 03.03.2025 г.

Дата принятия к публикации: 16.04.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Саламатов Владимир Юрьевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, директор Института международной торговли и устойчивого развития МГИМО МИД России, заведующий кафедрой «Торговое дело и торговое регулирование», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6430-640X

VYSalamatov@itandi.ru

Тангаева Анна Вячеславовна – начальник отдела тарифных барьеров и доступа на рынки исследовательского центра «Международная торговля и интеграция», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3319-2283

tangaeva.anna@mail.ru

Жаркова Анна Алексеевна – специалист исследовательского центра «Международная торговля и интеграция», Москва, Россия

ORCID: 0009-0006-5860-8555

aazharkova@itandi.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Yu. Salamatov – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Tech.), Professor, Director at the Institute of International Trade and Sustainable Development, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Head of the Department of Commerce and Trade Regulation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6430-640X

VYSalamatov@itandi.ru

Anna V. Tangaeva – Head of the Tariff Barriers and Market Access Department at the Research Center “International Trade and Integration,” Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3319-2283

tangaeva.anna@mail.ru

Anna A. Zharkova – Specialist at the Research Center “International Trade and Integration”, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0006-5860-8555

aazharkova@itandi.ru

MEGA-REGIONAL AGREEMENTS IN THE CONTEXT OF WORLD ECONOMIC FRAGMENTATION: EU AND CHINA STRATEGIES

Amid the transformation of the international economic system, caused by the crisis of global institutions, the rise of regionalization and the politicization of economic relations, mega-regionalism has emerged as a crucial tool in international trade. The authors examine how the EU and China apply mega-regional approaches in their trade policies to enhance their positions in the global economy, using different integration models.

The article explores how the differing strategies of the EU and China reflect their geo-economic priorities, peculiarities and responses to the challenges posed by the fragmentation of the global economy.

Keywords: *megaregionalism, fragmentation of the global economy, European Union, China, Belt and Road Initiative (BRI), trade policy.*

JEL: F02.